

2. Бондалетов В.Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев : автореф. дис. на соискание науч. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / В.Д. Бондалетов. – Л., 1966. – 20 с.
3. Грачев М.А. От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона / Грачев М.А. – СПб. : Авалон, 2005. – 338 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : Современ. версия / Даль В.И. – М. : ЕКСМО, 1999. – 735 с.
5. Дзендзелівський Й.О. Арго волинських лірників / Й.О. Дзендзелівський // Українське і слов'янське мовознавство : зб. наук. праць. – Львів, 1996. – С. 310–349.
6. Жирмунский В.М. Проблемы социальной диалектологии / В.М. Жирмунский // Изв. АН СССР. – М., 1964. – Т. 23. – Вып. 2. – С. 99–112.
7. Ставицька Л. Український жаргон. Словник / Леся Ставицька. – К. : Критика, 2005. – 496 с.
8. Сучасна українська літературна мова. Лексика і фразеологія / [за заг. ред. І.К. Білодіда]. – К. : Наукова думка, 1973. – 438 с.
9. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–203.
10. Швейцер А.Д. Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М. : Просвещение, 1978. – 452 с.

Стаття рекомендована до друку кандидатом пед. наук, доцентом кафедри української лінгвістики і методики навчання ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди»
Овсієнко Л.М.

Стаття надійшла до редакції 21 липня 2014 року

УДК 811.161.1'37

Любовь Летючая, Татьяна Тулина
(г. Переяслав-Хмельницкий, Украина)

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ (на примере произведений Ф.М. Достоевского)

Функционально-семантическое поле персональности недостаточно исследовано. Это касается класса номинативной лексики, составляющей периферию этого поля. Тенденцией современных лингвистических исследований является применение антропоцентризма, т.е. исследовательского принципа, который предполагает изучение языка как суммированной проекции окружающего мира и внутреннего мира человека. В статье на примере произведений Ф.М. Достоевского рассматривается специфика лексических единиц со значением персональности, определяющая идиостиль писателя.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, периферия языка, антропоцентризм, категория персональности, идиостиль.

Функционально-семантическое поле персональности недостаточно исследовано. Это касается класса номинативной лексики, составляющей периферию данного поля. Тенденцией современных лингвистических исследований является применение антропоцентризма, т.е. исследовательского принципа, который предполагает изучение языка как суммированной проекции окружающего мира и внутреннего мира человека. В статье на примере произведений Ф.М. Достоевского рассматривается специфика лексических единиц со значением персональности, определяющая идиостиль писателя.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, периферия языка, антропоцентризм, категория персональности, идиостиль.

Functional-semantic field of personality is characterized by a low degree of study. It concerns the class of nominative vocabulary which compiles the periphery of the field. The tendency of modern linguistic research is the use of anthropocentrism, i.e. research principle, which involves the study of a language as a summarized projection of surrounding world and the inner world of a man. On the example of F. M. Dostoevsky's writings the article analysis the specificity of lexical units with the meaning of personality, that determines the writer's idiosyncrasy.

Key words: functional-semantic field, periphery of the language, anthropocentrism, category of personality,

idiostyle.

Сегодня одним из наиболее активно развивающихся в науке является антропоцентрический подход к языку (Л. Вайсгербер, В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Н. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю. Степанов и др.). Антропоцентризм предполагает изучение языка как «концентрированной антропной проекции окружающего мира или внутреннего человеческого рефлексивного опыта [6, с. 37]».

В связи с этим в центре изучения представлена языковая личность, ее видение окружающего мира, в том числе – себе подобных. В лингвистике лексические и фразеологические единицы со значением лица определяются термином агентивы [1, с. 5].

Но в то же время сегодня нерешенным предметом исследования остается изучение агентивов в произведениях Ф.М. Достоевского. Рассмотрение этой проблемы позволит дополнить существующее представление об идиостиле русского писателя. Для языка произведений Ф.М. Достоевского характерна специфическая система агентивов, что определяется выбором денотативного признака как основы номинации и тех коннотативных признаков, которые актуализируются в произведениях только этого писателя.

Цель статьи – определить специфику использования Ф.М. Достоевским лексических средств, которые определяют характеристику человека по его внешнему облику.

Функционально-семантическое поле персональности было впервые выделено А. Бондарко [2, с. 45] и характеризуется малой степенью разработанности и изученности. Ядро этого поля составляют личные местоимения и примыкающие к ним местоимения других разрядов. Поскольку даже в совокупности эти лингвистические единицы немногочисленны, то «их обобщенная семантика координируется с большим классом номинативной лексики [3, с. 5]».

Обладая инвариантным значением лица, агентивы входят в функционально-семантическое поле персональности, образуя его периферию. Выделяясь среди других единиц языка своей семантикой и рядом грамматических особенностей, агентивы образуют особую категорию в системе языка – категорию агентивности.

Внимание к внешности человека – многовековая традиция. Это объясняется тем, что подробный словесный портрет – лучшее средство индивидуализации личности.

В романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» для описания внешности можем выделить два вида агентивных характеристик: комплексный портрет, имеющий определенную структуру. Эта структура включает следующие обязательные компоненты:

- характеристика по возрасту;
- характеристика по росту;
- характеристика по особенностям волосяного покрова;
- характеристика по комплекции;
- характеристика по приметным особенностям лица.

«Один из них (людей) был небольшого роста, лет двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, с серыми маленькими, но огненными глазами. Нос его был широк и сплюснут, лицо скулистое; тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку, но лоб его был высок и хорошо сформирован и скрашивал неблагородно развитую нижнюю часть лица. Особенно приметна была в этом лице его мертвая бледность, придававшая всей физиономии молодого человека изможденный вид, несмотря на довольно крепкое сложение... (т. 6, с. 5–6)».

В рамках данной статьи мы рассматриваем ситуативный портрет, который создается посредством выделения характерной особенности внешности и выражается определенным агентивом. Этот агентив становится словом-доминантой и используется автором на протяжении всего художественного текста: *«Рот у ней был немного мал, нижняя же губка, свежая и алая, чуть-чуть выдавалась вперед... (т. 5, с. 197)»*, *«...дрогнула у ней в негодовании нижняя губка... (т. 5, с. 198)»*, *«...мертво-бледная, с побелевшею, дрожавшею нижнею губкой... (т. 5, с. 481)».*

Общая оценка внешности человека определяется объемом двух понятий – красивый / некрасивый.

В общенародном языке выделяются две группы существительных со значением «красивый человек»: 1) субстантивы, характеризующие лицо женского пола; 2) субстантивы, характеризующие лицо мужского пола.

В синонимический ряд со значением «красивая женщина» в «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. Евгеньевой включены слова *красавица, красотка (разг.), краля (прост.)* [5, с. 488],

а в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой, помимо перечисленных, указаны также существительные *раскрасавица, гурия, краса (уст. поэт.)* [4, с. 203].

В произведениях Ф.М. Достоевского немного существительных, характеризующих человека как красивого.

У Достоевского в парадигму существительных с общим значением «красивая женщина» входит лишь одно из существительных, перечисленных выше, – *красавица*.

Красивая внешность женщины более регулярно описывается посредством прилагательных, в частности *красивая, хорошая*, то есть используются аналитические агентивы, представленные сочетанием прилагательного с личным местоимением или существительным. В этих сочетаниях, прилагательное, как правило, используется в краткой форме.

Адъектив *красивая* может быть единственным характеризующим определением в агентиве, но чаще приводится в одном ряду с другими характеристиками женщины, и достаточно регулярно – со словом *молодая*: «...*девушка очень молоденькая и красивая...*» (т. 5, с. 48)», «*Аглая была молода и красива*» (т. 6, с. 36)». Сопредельное употребление слов красивая и молодая актуализирует латентную прагматическую сему «красивый» в семантике слова *молодая*.

Адъектив *хорошая* используется только в краткой форме в сочетании со словом *собою*. Толковый словарь определяет словосочетание *хорош(а) собою* как : 4. «Красивый, милостивый очаровательный по внешности [1, с. 1452]: «*Авдотья Романовна была замечательно хороша собою...*» (т. 5, с. 197)».

Для описания красивой внешности автор иногда использует адъектив *смазливая*. Словарь трактует это слово с пометкой разговорное как «милостивый, хорошенький [1, с. 1215]: «...*была она толста и жирна, ... и собою даже очень смазлива*» (т. 5, с. 116)».

Нередко автор употребляет со словами *красивый, хороший* наречия *довольно, замечательно, очень*, тем самым определяя меру степени признака: «*все три были замечательно хороши собою*» (т. 6, с. 19)», «... *довольно хорошенькая блондинка...*» (т. 5, с. 179)», «*собою даже очень смазлива*» (т. 5, с. 116)».

Лица мужского пола красивой внешности представлены у Ф.М. Достоевского только аналитическими агентивами: сочетанием прилагательных *красивый, хороший, прекрасный, видный* с личными существительными: «*Очень красивый молодой человек*» (т. 6, с. 26)», «*молодой человек был замечательно хорош собою*» (т. 5, с. 9)», а также фразеологическим сочетанием «*писанный красавец*».

Агентив *прекрасный* является синонимом слова *красивый* и толкуется как 1. «Отличающийся необыкновенной красотой, очень красивый [1, с. 964]: «...*малый лет двадцати прекрасной наружности*» (т. 6, с. 203)».

Адъектив *видный* содержит имплицитные семы «красивый», «представительный» и является характерным только для описания мужских персонажей: «*человек он был собою видный...*» (т. 6, с. 183)».

Фразеологическое сочетание *писанный красавец* традиционно используется для характеристики человека с очень красивой внешностью, и Ф.М. Достоевский употребил этот агентив как исчерпывающее определение: «...*человек еще молодой, лет двадцати восьми, ..., писанный красавец собой*» (т. 6, с. 266)».

Агентивы с общим значением «некрасивая женщина» в произведениях Ф.М. Достоевского встречаются довольно часто. Как правило, это аналитические агентивы: «*нельзя назвать даже хорошенькою*» (т. 5, с. 230)», «*собой не хороша*» (т. 6, с. 74)», «*не обладающая красотой*» (т. 6, с. 18)», а также по средствам синтетического агентива *гаденькая*.

Лексема *гаденькая* использована автором единично. В семантике этого деминутива содержится агентивное значение: «вызывающий отвращение, мерзкий, плохой», полностью привнесенное в его семантику производяще-мотивирующим *гадкий*. Модификационный суффикс *-еньк-*, усиливает пейоративную семантику слова, а дополнительная актуализация уничижительного значения осуществляется за счет семантического партнера агентива – *старушонка*, в котором лексическая семантика усиливается также словообразовательными средствами, в частности, суффиксом *-онк-*: «... *такая маленькая и гаденькая старушонка*» (т. 5, с. 65)».

Для обозначения мужчин с некрасивой внешностью писатель использует следующие аналитические агентивы: *собою дурен, походивший на бабу*, а также синтетический агентив *отвратительный*.

Адъектив *дурной* толковый словарь определяет как 6. «Некрасивый, безобразный [2, с. 289]». В произведении используется автором только в краткой форме с местоимением *собою*: «...*я всегда такой мешковатый и собой дурен*» (т. 6, с. 74)».

Лексема *баба* содержит типичные признаки женщины – широкие бедра, узкие плечи, соответственно мужчина, наделенный ими, относится к разряду некрасивых. Это подтверждается и словарной дефиницией: 5. «Презрит. О робком слабохарактерном мужчине [1, с. 54]». В данном случае личностные характеристики героя предопределяют и негативную оценку его внешности: «*невысокий человек, очень походивший издали на бабу* (т. 5, с. 263)». Некрасивая внешность этого человека подтверждается дальнейшим ее описанием: «...*маленькие заплывшие глазки его смотрели угрюмо* (там же)».

Достоевский особое внимание уделяет характеристике внешности, отражающей болезненное состояние. Так, подчеркивая некрасивую внешность, автор вводит следующие агентивы: *золотушный, чахоточный, в наружности угадывается падучая болезнь*. Каждое из этих заболеваний характеризуется определенными изменениями во внешности человека.

Агентив *золотушный* является производным от мотивирующего золотуха – «народное наименование одной из форм диатеза, при которой лицо пострадавшего покрывается сыпью, в результате чего могут оставаться шрамы [1, с. 370]». Соответственно, человека с такой внешностью назвать красивым нельзя. Это подтверждается и семантическим партнером агентива *человечек*, в котором уничижительная семантика «некрасивости» усиливается за счет модификационного суффикса -ек-: «*это был худосочный и золотушный человечек* (т. 5, с. 267)».

Неоднократно автор использует адъектив *чахоточный*, который трактуется словарем 2. «разг. Такой, какой бывает при чахотке [1, с. 1469]». Характерными признаками чахотки (устаревшее название тяжелых форм туберкулеза) является изможденное, иссохшее, бледное лицо с лихорадочным румянцем на щеках: «*чахоточный молодой человек* (т. 6, с. 320)»; «*болезненное впечатление производило это взволнованное и чахоточное лицо* (т. 5, с. 27)».

Устойчивое сочетание *падучая болезнь* является устаревшим названием эпилепсии. У людей, страдающих этим заболеванием, непосредственно перед приступом наблюдается бледный цвет лица, тяжелый взгляд, нередко судорожное подергивание лицевых мышц. При приступе лицо искажается судорогой, изменяется цвет кожного покрова. Упоминание этого заболевания в описании внешности объясняется тем, что автор сам страдал эпилепсией и тем самым вкладывал в персонажа автобиографические черты: «...*в наружности было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь* (т. 6, с. 6)».

Вообще для Ф.М. Достоевского понятие внешней красоты неразрывно связано с внутренним миром человека. Характерной особенностью является то, что персонажи, несущие в себе «идею Христа», желающие изменить, спасти мир, обладают некрасивой внешностью. Наоборот, их противоположности, носители идеи «Хочу, значит право имею», всегда привлекательны внешне.

Таким образом, приходим к выводу, что в произведениях Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» для описания внешности используется два вида агентивных характеристик: комплексный и ситуативный портрет.

Общая оценка внешности человека определяется объемом двух понятий – красивый/некрасивый.

В произведениях автора немного существительных, характеризующих человека как красивого, и большая часть из представленных касается мужчин. Писатель использует как синтетические, так и аналитические агентивы для положительной эстетической характеристики героинь, а лица мужского пола красивой внешности представлены у Ф.М. Достоевского только аналитическими агентивами: сочетанием прилагательных с личными существительными.

Агентивы с общим значением «некрасивая женщина» в произведениях Ф.М. Достоевского встречаются довольно часто. Для обозначения мужчин с некрасивой внешностью писатель использует и аналитические агентивы, и синтетические, с преимущественным употреблением последних.

Для Ф.М. Достоевского понятие внешней красоты неразрывно связано с внутренним миром человека.

Перспективой исследований предполагается изучение особенностей агентивов творчества Ф.М. Достоевского, указывающих на более конкретные внешние признаки человека.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / [глав. ред. С.А. Кузнецов]. – Спб. : Норинт, 2003. – 1536 с.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.

3. Лукьянова Н.А. Лексико-семантическая группа «человек ленивый» в диалектной системе (опыт системного анализа) / Н.А. Лукьянова // Русская лексика в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск : Наука, 1985. – 368 с.
4. Словарь синонимов русского языка / Александрова З.Е. – М. : Русский язык, 2003. – 565 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / [под ред. А.П. Евгеньевой]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 2. К–О. – 736 с.
6. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С. 22.

*Стаття рекомендована до друку
кандидатом філол. наук, доцентом кафедри української лінгвістики
і методики навчання ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний
педагогічний університет імені Григорія Сковороди»
Довбнею Л.Е.*

Стаття надійшла до редакції 11 липня 2014 року

УДК 821.111 - 6(092)

Галина Мазоха

(м. Переяслав-Хмельницький, Україна)

МОДУСИ ОСМИСЛЕННЯ КАТЕГОРІЇ «ТВОРЧИСТЬ» В ЕПІСТОЛЯРНИХ ТЕКСТАХ П.-Б. ШЕЛЛІ

У статті вперше комплексно досліджено приватні кореспонденції англійського поета-романтика П.-Б. Шеллі. Обґрунтовується теза про те, що листи митця є літературними зразками високохудожньої прози, самостійним жанром у творчості поета. Доведено, що жанрова специфіка кореспонденцій майстра слова обумовлюються принципом відбору інформації. Зосереджено особливу увагу на аналізові тематики листів Шеллі. Зокрема виявлено, що вся епістолярна творчість поета пройнята морально-етичним пафосом. Запропоновано нові інтерпретації кореспонденцій митця, які не потрапляли в поле зору дослідників.

Ключові слова: романтизм, літературний процес, тематика, лист, епістолярій, кореспонденція, жанр, адресант, адресат.

В статье впервые комплексно исследованы частные корреспонденции английского поэта-романтика П.-Б. Шелли. Обосновывается тезис о том, что письма художника являются литературным образцом высокохудожественной прозы, самостоятельным жанром в творчестве поэта. Доказано, что жанровая специфика корреспонденций мастера слова обуславливается принципом отбора информации. Сосредоточено особое внимание на анализе тематики писем Шелли. В частности выявлено, что все эпистолярное творчество поэта проникнуто морально-этическим пафосом. Предложены новые интерпретации корреспонденций художника, которые не попадали в поле зрения исследователей.

Ключевые слова: романтизм, литературный процесс, тематика, письмо, эпистолярий, корреспонденция, жанр, адресант, адресат.

The article firstly deals with the researching of private correspondences of English romantic poet P.-B. Shelley. The thesis that letters of the artist are examples of highly artistic literary prose, an independent genre in his poetry was substantiated. It was proved that the genre specificity of correspondences of the artist conditioned by the principle of selection information. Special attention is paying to the analysis of subjects of Shelley's letters. Particularly, it was found that all the epistolary creativity of the poet imbued with a moral and ethical pathos. A new interpretations of the correspondences of the artist which did not get the attention of researchers were proposed.

Key words: romanticism, literary process, themes, letter, epistolary, correspondence, genre, addresser, addressee.

На сучасному етапі розвитку літературознавства, завдання, форми літературно-художньої критики та її суспільна ефективність викликають усе більшу зацікавленість дослідників, причому поряд із професійною все частіше аналізується й письменницька критика. Критичні судження майстрами художнього слова того чи іншого явища в літературі привертають увагу і як своєрідні, почасти несподівані, тлумачення означених явищ, і як особлива форма самовираження, і як спроба опосередковано, через творчість інших митців, тлумачити власну творчість, свої естетичні